

ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ

А.С. Осипов-Гогоненков

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРАГМАТИЗМ И ЕГО РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ ЗНАНИЯ

Аннотация. Статья рассматривает феномен французского прагматизма руб. XIX-XX вв., в центре которого стоят проблемы субъективности реальности и относительности знания. Целью автора было показать, как французские прагматисты (Э. Леруа, Г. Мило, Ж. Вильбуа) решают означенную проблематику и выходят к новому рациональному пониманию научной объективности. Статья носит одновременно историко-философский и эпистемологический характер, представляя нетривиальные перспективы философии прагматизма.

Ключевые слова: философия, новый спиритуализм, объективность, прагматизм, психология познания, рационализм, релятивизм, символизм, феноменизм, эпистемология.

Центральной метатемой философии прагматизма является проблема реализма, или объективности знания. Как отмечает С. Ложье, современный неопрагматизм слишком небрежно и с большими упрощениями отнесся к истокам этой философии¹. В этой статье я предполагаю выяснить специфику французского прагматизма: как на почве «нового спиритуализма», основного направления философии во Франции конца XIX в., «англо-американский товар»² выходит к новому пониманию рациональности в условиях кризиса корреспондентной теории истины, как это ведет к переформулировке условий объективного познания, возможно ли преодоление дилеммы реализм–релятивизм на рациональной почве?

Прагматизм в его классической (англо-американской) форме подвергнут критике А. Лаландом³. Она идет по двум основным направлениям. Во-первых, критикуется утрата объективности Джеймсом, отказавшимся от корреспондентной теории истины, во-вторых, — психологистский телеологизм Шиллера за его «волюнтаристическую метафизику».

Таким образом, субъективизм и релятивизм — «фабрикация» реальности и истины⁴ — задают концептуальные координаты восприятия прагматизма академической средой во Франции начала прошлого века. М. Эбер ограничивается рассмотрением прагматизма во Франции в его отношении к научной философии Леруа и Пуанкаре⁵. Центром разногласий оказывается вопрос о научном факте: отрицание «голового факта» у Э. Леруа («факты создаются учёным») и защита познавательной ценности объективной науки у А. Пуанкаре. Эбер смягчает по сравнению с Лаландом оценку позиции первого («смягчённый прагматизм»), но подчеркивает проблематичность конвенционализма в трактовке объективности знания у второго. Показателен философский метаконтекст поставленного вопроса: свобода/произвол/случай [представлений и гипотез] vs. детерминизм. Может быть, именно из-за жёсткости этой дихотомии Эбер заходит в тупик при оценке позиции П. Дюгема⁶.

Сам Дюгем в своей трактовке природы физического знания как носящего символический характер, по собственным словам, опередил таких авторов, как Г. Мило, Э. Леруа и Ж. Вильбуа. «Из этого анализа употребляемых в физике экспери-

¹ Pragmatisme // Dictionnaire d'histoire et philosophie des sciences / Sous la dir. de D. Lecourt. Paris, 2006. P. 878.

² Предисловие А.И. Введенского // Эбер М. Прагматизм. М., 2010. С. 3.

³ Lalande A. Pragmatisme et pragmatisme // Revue philosophique. T. LXI. Février, 1906. P. 121-146. Ср.: оригинальный источник: Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000. С. 296-321.

⁴ Ibid. P. 137-138.

⁵ Эбер М. Прагматизм. М., 2010.

⁶ С одной стороны, Дюгем говорит об онтологическом и даже трансцендентном значении физических теорий, а с другой — сводит последние к функции «спасения явлений» искусственными приёмами. Там же. С. 42-49.

ментальных методов некоторые из цитированных нами авторов делают подчас выводы, выходящие за пределы физики»⁷. Подозрение в подобной чрезмерной экстраполяции в первую очередь может пасть на Леруа. Однако, будучи последователем Бергсона, Леруа скорее приходит к тем же выводам относительно природы физического знания, что и великий физик, отталкиваясь при этом от философии «нового спиритуализма».

За пять лет до того, как Дюгем впервые сформулировал свои выводы из анализа экспериментальных методов, в 1889 г. выходит в свет первая работа А. Бергсона, предметом которой была проблема свободы, а непосредственным объектом — «научное понятие времени»⁸. Интуитивистская метафизика Бергсона в русле философии «нового спиритуализма», характеризуемого обращением идеалистической школы французского спиритуализма к эмпирико-научному знанию и искавшего теоретического оформления своей основной интуиции динамизма в пику традиционному интеллектуализму, как механистического, так и пантеистического толков⁹, понимает интеллект как усилие конкретной индивидуальной воли, а средством этого «приспособления духа к объектам»¹⁰ полагает «образ-посредник»¹¹.

Можно обозначить позицию Бергсона относительно интересующей нас здесь проблематики как феноменизм¹². Однако из признания субъективной природы реальности не обязательно следует гно-

сеологический релятивизм. Обе характеристики, данные прагматизму Лаландом: субъективизм и релятивизм (фабрикация реальности и истины), — вполне приложимы к прагматизму Джеймса. Но если то, что касается «подвижности реального», Бергсон как раз и приветствует у своего американского собрата, то по вопросу об изменчивости истины «Бергсон придерживается <...> вполне традиционного понимания истины: он ведь часто подчеркивал, что интуиция и интеллект — в своей сфере — могут достичь абсолютного, хотя и не рассматривал последнее как абсолютную истину»¹³. Более того, Ч. Пирс, развивая свой метод, приходит к своеобразному онтологическому реализму рационального целеполагания — реализму общего предмета «мысли, контролируемой рациональной экспериментальной логикой»¹⁴.

Итак, немного огрубляя оценку, можно сказать, что у Пирса мы не видим ни субъективизма, ни релятивизма; Бергсон верит в единую истину, однако помещает её в интуиции; Джеймс же даёт полную свободу здравому смыслу в плюралистической вселенной и, определяя истину через благо, релятивизирует её¹⁵. В таком виде прагматистский тезис максимально выполняет релятивистскую функцию: утверждает примат действия над разумом и определение истины через субъективный критерий успешности действия. Именно в этом ключе в 1908 г. А. Рей называет в качестве «основной антиномии современной философской мысли» антиномию науки и действия. Излагая позицию научной философии рационалистического позитивизма, Рей противопоставляет её «догматизму действия», имея в виду среди прочих учений и прагматизм¹⁶. Находясь на общепризнанной к началу XX в. «естественнонаучной» гносеологической позиции «биологической теории науки и разума», понимающей разум как «специфическое орудие или инстинкт человеческого вида»¹⁷, А. Рей тем самым разделяет с прагматистами инструменталистское и психологистское понимание начал разума, однако зачисляет все иные по отношению к своему «абсолютному позитивизму» попытки

⁷ Дюгем П. Физическая теория. М., 2007. С. 172.

⁸ Бергсон А. Собр. соч. в IV т. Т. I. М., 1992. С. 50, 318.

⁹ Введенский А.И. Очерк современной немецкой и французской философии. Харьков, 1900. С. 310-316.

¹⁰ Бергсон А. Об интеллекте // Блауберг И.И. Анри Бергсон. М., 2003. С. 643.

¹¹ Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии. Сб. 1. СПб, 1912. С. 15.

¹² «Позиция феномениста, или феноменалиста, включает по крайней мере четыре несовместимых понимания: или говорят, что есть только явления, а научные концепты служат для их познания и усвоения; или — что у нас есть доступ лишь к явлениям, но существует и ещё что-то кроме них. В первом случае, концептуализация явлений объективна, либо, напротив, она теряется в хитросплетениях конвенционализма. Во втором — другие формы познания могут либо укрепить и удостоверить наше знание (в этом случае мы вступаем в проблематичную область вещи-в-себе), либо эти формы навсегда пресекают путь науки к реальности» — *Phénoménisme // Dictionnaire d'histoire et philosophie des sciences / Sous la dir. de D. Lecourt. Paris, 2006. P. 853.* Бергсон, на мой взгляд, относится к последней группе.

¹³ Блауберг И.И. Анри Бергсон. М., 2003. С. 366.

¹⁴ Пирс Ч.С. Что такое прагматизм? // Пирс Ч.С. Избр. филос. произв. М., 2000. С. 316. Ср. также: Там же. С. 318.

¹⁵ См., наприм.: Джеймс У. Прагматизм // Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 237, 293. Ср. с его концепцией «чувства рациональности» (Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 46).

¹⁶ Рей А. Современная философия. М., 2010. С. 23-24.

¹⁷ Там же. С. 66-68.

решения создавшейся неустойчивой ситуации в иррационализм¹⁸.

Леруа, Мило и Вильбуа — философы науки. Их работы¹⁹ неразрывно связаны с состоянием точных наук в конце XIX в., когда кумулятивно-описательная модель развития науки уже исчерпала себя, когда «позитивизм, как и материализм, и другие второстепенные философии, может и должен быть судим рационализмом. И даже больше: позитивизм может быть правильно понят только рационализмом. Объяснение, или, как сказал бы Гегель, *истина позитивизма, заключена в рационализме*»²⁰. Ведь чистый эмпиризм Конта приходит в конце концов, на вершине пирамиды объективного позитивного знания, к «субъективному синтезу» — в духе формулы «знать, чтобы предвидеть, затем, чтобы мочь» — синтезу, необходимому для создания научной социологии, оправдывающей всё здание эмпирического знания, балансирующего, вслед за практической областью, на грани релятивизма. Таким образом, заострение до антиномии проблемы «реализм–релятивизм» Реем говорит скорее о тупиковости в разрешении данного вопроса на путях позитивизма. То же, что предлагают «французские прагматисты», может быть в первом приближении названо «критическим рационализмом».

Исходным пунктом программной работы Эдуара Леруа «Наука и философия» является «новая философия, начало которой во Франции положил месье Бергсон»²¹. Но «если борьба за господство сегодня разворачивается между *интеллектуализмом*, научной философией, и этой новой философией, держащейся первенства действия и которую месье Жакоб определил как *нео-материализм*, и если возможно обнять в высшем единстве оба эти учения, или, лучше, показать, как правильно понятое последнее превосходит и содержит в

себе старое»²², то целью этого синтеза у Леруа и других французских прагматистов, в отличие от радикального эмпиризма Джеймса или интуитивной метафизики Бергсона, является обновление рационализма.

Несмотря на сходную с позицией Джеймса формулировку «Только лишь отрицания ложны»²³, Леруа так продолжает предыдущую цитату: «Некоторые, слишком “тонкие”, умы видят в философской работе лишь своего рода поэзию, ценную лишь своей выразительностью. Против них я придерживаюсь научного и рационального подхода во всех областях знания»²⁴.

Сама терминология «тонких умов» и «умов-геометров» (гносеологическая дихотомия, используемая и Дюгемом) отсылает нас к самому началу новоевропейской философской традиции: к проблеме веры и разума у Паскаля, — а критический поиск беспристрастного разума ведёт нас к источнику декартовского рационализма — скептицизму Монтеня. Именно как выражение критического рационализма нужно понимать вышеприведённую формулу Леруа, направленную против узости ума: «Я полагаю, что множество бессмысленных проблем и искусственных противоречий пропадут, как только согласятся признать, что один единственный метод недостаточен, что какой-либо интеллектуальный подход не является необходимо обосновательным, раз к нему не привыкли, одним словом — что есть несколько возможных способов рассматривать вещи и несколько различных путей достичь истины. Предрассудок единственного метода, представляемого неизбежным и совершенным, зачастую есть лишь недостаток критичности, ибо “на всякого мудреца довольно простоты”. *Только лишь отрицания ложны*»²⁵.

Теперь посмотрим как французские прагматисты решают проблему рационального знания.

Общим местом у них является разделение наблюдения и эксперимента: позитивное знание и экспериментальный метод — у Леруа; наблюдательные науки и науки экспериментальные — у Вильбуа. «*Позитивная наука может быть определена как непосредственное продолжение здравого*

¹⁸ Там же. С. 255.

¹⁹ Le Roy É. Science et philosophie // Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 375-425; 503-562; 708-731; Revue de métaphysique et de morale. Т. VIII. 1900. P. 37-72; Milhaud G. Le rationnel. P., 1898; Wilbois J. La méthode des sciences physiques // Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 579-615; Revue de métaphysique et de morale. Т. VIII. 1900. P. 291-322.

²⁰ Weber L. Positivisme et rationalisme // Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 443.

²¹ Le Roy É. Science et philosophie // Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 378.

²² Ibid. P. 376.

²³ Ibid. P. 377. Ср. с оценкой Лаландом Джеймса: Lalande A. Pragmatisme et pragmatisme // Revue philosophique. Т. LXI. Février, 1906. P. 131-132.

²⁴ Ibid. P. 376. К таким «тонким умам» можно, без сомнения, отнести и Бергсона.

²⁵ Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 377.

смысла»²⁶, критике которого посвящена первая часть «Науки и философии»²⁷. Будучи основой нашей индивидуальной и социальной жизни, здравый смысл являет собой модус инстинктивного знания. Задача Леруа, вслед за Бергсоном, на этом этапе состоит в том, чтобы очистить непосредственное восприятие от конструктов здравого смысла и прийти к интуиции непосредственно данного, лежащей под «абстракциями и символами нашей способности действовать»²⁸. Эти конструкты служат удобству и пользе практической жизни и ничего не говорят о реальности самой по себе, за какую в обход всем измышленным а priori следует, опять-таки вслед за Бергсоном, принять «бесформенное и смешанное единство», «океан образов, составляющий по определению то, что мы называем реальностью»²⁹.

В основе стихийно сложившейся традиционной, силлогистической или индуктивной, логики позитивной науки лежат, по Леруа, такие привычки здравого смысла как: дробление и опространствливание непосредственного восприятия реальности, откуда в силу потребностей практической жизни и слабости чувств возникает идея твёрдого тела, субстанции, как центра приложения усилия — собирания действия для управления вещами³⁰. По образу этой материальной области в целях поддержания общения и социальной жизни структурируется и язык, фиксирующий нематериальные субстанции — «отдельные идеи, отличные от образов и делающие похожими независимые друг от друга вещи», — «дискурсивное мышление, единственно удобное в обращении»³¹. Злоупотребления «материальным дискурсом» ведут к гипостазированию таких физических понятий, как понятия Силы, Вектора, Причины, Становления, Жизни и т.д. В итоге, обыденное знание ограничивается сферой видимости, ибо оно «состоит в простом восприятии вещей с внешней стороны <...> так, как они повёрнуты к нашему действию». Но за этой внешней формой есть твёрдое ядро: «основа, которая состоит в схватывании реального»³².

Таким образом, релятивизм таких понятий, как реальность, субстанция, причина, объект,

интеллект ограничивается практическим релятивизмом позитивных наук, собирающих, классифицирующих, обобщающих — упрощающих «пространственным дроблением и материальной схематизацией»³³ возможности нашей познавательной способности. «Обыденное познание не ведает себя»³⁴, а «установление — каким бы грубым оно ни было — причинных отношений [в позитивной науке] доставляет нам [лишь] средство управлять феноменами и производить их по своему усмотрению»³⁵.

Итак, по Леруа, в релятивизме повинно «простое восприятие вещей с внешней стороны», и только становясь на почву последовательного феноменализма³⁶, отрицающего что-либо сверх чистых явлений и сводящего таким образом реальность к «океану образов», мы отбиваем обвинение в субъективизме — раз уж вся реальность предстаёт как неуловимая гетерогенная длительность. Однако как адекватно «схватить реальность»? Тут открывается известный путь в конвенционализм (А. Пуанкаре). Если субъект и объект в основе своей неразличимы, и соответственно, отпадает корреспондентная трактовка истины, то где найти линию демаркации истинного от неистинного в этом безбрежном океане несопоставимых образов?

Творческая способность человеческого разума — в центре внимания Гастона Мило. Выделенная в качестве основной характеристики спонтанность (произвольная активность) человеческого мышления позволяет ему говорить о рациональном познании, в чистом виде явленном в современных точных науках³⁷. Встраивая собственное понимание рационализма в традицию новоевропейской философии, этот философ выступает против абсолютизма, универсальности и высшей необходимости идей разума у классических рационалистов (в силу этого априористов) — и точно так же против обездвигивающих полёт творческого

³³ Ibid. P. 507.

³⁴ Ibid. P. 505.

³⁵ Ibid. P. 511.

³⁶ Уже не бергсоновского, а одного из двух вариантов первой альтернативы (см. примеч. 12 на С. 2 наст. статьи).

³⁷ Рациональное, для Мило, — это по сути научное. Все великие философы были математиками: «Таким образом, начиная с Пифагора и заканчивая Кантом, философия познания не прекращала быть ведомой, сознательно или нет, научной мыслью и в особенности, как кажется, мыслью математической». — Milhaud G. Le rationnel. P. 38. — На следующей странице в их число включается и О. Конт.

²⁶ Ibid. P. 506.

²⁷ Ibid. P. 375-425.

²⁸ Ibid. P. 387.

²⁹ Ibid. P. 381.

³⁰ Ibid. P. 381-389.

³¹ Ibid. P. 389-392.

³² Ibid. P. 419-423.

воображения и интеллектуальной активности эмпиристов³⁸. В силу сложного (искусственного) строения современных научных теорий, впервые вскрытого П. Дюгемом, Мило требует признания за рациональным определённой степени *случайности*. «Короче говоря, нам кажется сложным отрицать присутствие в рациональном не только чего-то такого, что не было бы необходимо навязано извне и что имело бы своё происхождение в определённой спонтанности мысли, но больше того — чего-то такого, что никогда не получит, да и не может получить извне подтверждения своей необходимости, — таким образом, остающегося неопределённо подверженным неизбежной случайности»³⁹. Мило до предела заостряет прагматистский тезис «фабрикации реальности» (степень «случайности», т.е. произвольности, рационального абсолютна). Именно поэтому определяется он отрицательно: спонтанность рационального оборачивается случайностью эмпирического.

«Плодовитость» идеи, «порыв творческой мысли», «эволюция идеи» — всё это из языка философии нового спиритуализма, понимающей разум как акт мыслящего духа. Но на приведённое им самим обвинение, высказанное А. Фулье, автора концепции «идей-сил», — обвинение в отбрасывании принципа причинности — Мило отвечает отказом новой науки от проникновения в реальность⁴⁰ и призывом, обоснованным лишь моральной ответственностью свободного субъекта: «Вперёд, математик! Из глубины твоего кабинета, с закрытыми на мир глазами отдавайся игре твоих символов и не ищи служащую им естественным субстратом осязаемую реальность! Не беспокойся, послужат ли чему-нибудь твои построения — не бойся фикций, но берегись иных обольщений, чем те, что влекут тебя к твоим фантазиям. И ты, физик! Ты, способный сотворить

новый мир, продолжай и в покое радоваться тем, что воздвигает твоя мысль! Пусть никакая угроза, никакое мрачное пророчество не помешают тебе сломить все препятствия; а если тебе придёт в голову переложить всю массу химических или биологических явлений в раздел геометрии или механики — дерзай без страха!»⁴¹.

Итак, *рациональность* Мило зависит над реальностью: её «концепты избегают не только всякой непосредственной верификации, но и всякой постижимой реализации»⁴². Основным постулатом этой высшей воли разума являются не положительные законы науки, но «присутствие постоянных отношений в вещах. И поскольку сама геометрия отступает перед этим постулатом, не можем ли мы сказать, что он в свою очередь предстаёт способным пережить всю науку целиком?»

Такое понимание рациональной науки отдаёт должное роли активного вмешательства духа. Это вмешательство выражается не только в сменяющих друг друга теориях, оно проявляется в степени, так сказать, уверенности, которой учёный наделяет последовательные части своей конструкции. При таком взгляде на вещи, — заключает Мило, — нужно освободить рациональную истину от её абсолютного значения — она не более, чем гармоничное согласие целого концептов»⁴³. Продемонстрировав безосновность гипотез, лежащих в основе физических теорий⁴⁴, отвергнув эпистемологический принцип верификационизма⁴⁵ и став на позицию полной и бесконечной произвольности фундаментальных определений науки⁴⁶ (причём Мило объединяет их по этому признаку с обычными законами науки, перерубая гордиев узел так, что грань между рациональным и эмпирическим⁴⁷ получает вид дилеммы), он с виду парадоксально, но на самом деле вполне логично, приходит к тому, что в подтверждение своего основного тезиса готов сослаться на О. Конта: «...мы не впадаем ни в какую иллюзию относительно реальности наших гипотез, что позволяет нам без зазрения совести

³⁸ Milhaud G. Le rationnel. P. 5-7; 10.

³⁹ Ibid. P. 12-13. Обвинение в неправомерном выходе за пределы физики находит своего адресата именно в Мило, скорее в духе Пуанкаре рассуждающем о замене принципа верификации принципом целесообразности и гармонии и сводящем науку к голому языку (см., напр.: Milhaud G. Le rationnel. P. 13; 70; 73.) — против чего, как известно, выступал Дюгем, так же как и Мило отрицавший объяснительную способность физической теории, но настаивавший в то же время на особом символическом её значении, не сводимом к чисто знаковой функции (См.: Дюгем П. Физическая теория. М., 2007; в частности, его критику Пуанкаре по этому вопросу на С. 178-180.).

⁴⁰ См.: Ibid. P. 17-19.

⁴¹ Ibid. P. 19-20.

⁴² Ibid. P. 13.

⁴³ Ibid. P. 73.

⁴⁴ См. всю главу «La science rationnelle» (Milhaud G. Le rationnel. P. 44-74), в том числе и выводы касательно природы гипотез (P. 61-65).

⁴⁵ Ibid. P. 65-68.

⁴⁶ Ibid. P. 68-70.

⁴⁷ См.: Ibid. P. 63.

[!] использовать каждый раз ту, которую мы считаем более выгодной»⁴⁸.

Как видим, рационализм Мило не отвечает запросам «нового спиритуализма», но возвращается к позитивистскому феноменизму. Требование абсолютной свободы разума у Мило является своеобразным категорическим императивом. Приложенный к теоретической области последний не находит иного основания, кроме, опять-таки по Канту, *веры разума*⁴⁹, так что рационализм Мило можно отнести к философии «рационального чувства» У. Джеймса — т.е. к прагматизму в максимуме его релятивистской функции, где интеллектуалистический догматизм преодолевается психологической *уверенностью*. Таким образом, в построениях Мило открывается связь двух прагматистских тезисов: субъективизм познания (фабрикация реальности и, следовательно, её подвижность) влечёт за собой релятивизацию своего объекта, — истины. Очевидно, что позитивистский феноменизм, не до конца освободившийся от реализма «вещи-в-себе», не способен выйти к объективному знанию, но, напротив, при оценке физики конца XIX в. теряется в дебрях психологизма и конвенционализма.

Жозеф Вильбуа также исходит из рациональной *потребности*⁵⁰. Однако он отдаёт себе отчёт в психологической подоплеке поиска *постоянного* в природе. Более того, целью своего исследования он полагает освещение проблем современной физики с «исторической» точки зрения психологии и метода⁵¹, концептуализируемое им как взаимодействие интуиции и эксперимента.

В структуре научного знания он подчеркивает различие между природой наблюдения и природой эксперимента («в самом акте наблюдения или эксперимента»). *Гипотеза* остаётся «по ту сторону» экспериментальной науки и следует за наблюдением, выполняя функцию единства теории и эвристическую функцию, *post factum* суммируя данные опыта. Место гипотезы в экспериментальной науке занимает *принцип*, природа которого характеризуется тем, что «опыт не является изолированным

актом в физике, которой занимались Галилей, Ньютон, Френель или Карно». «Опыт неотделим от принципа, — поясняет Вильбуа, — от принципа, который задаёт направление серии экспериментов. <...> Их точкой отсчёта был опыт, — продолжает он, — но опыт, *направляемый таким образом, что закон, который его выразил, был легко обобщаем мыслью*»⁵². Таким образом, Вильбуа приходит к искусственности экспериментальной науки (*une observation truquée*), но эта искусственность, вбирающая в себя содержание опыта, не является просто системой знаков, под которой прятался бы «голый факт», — она имеет *символическую* природу, расширяющую возможности физического познания, в котором функции единства и предвидения объединяются.

Перед нами — последовательный феноменизм⁵³ в его эпистемологической экспликации. Метод экспериментальных наук, как показывает Вильбуа, выгодно отличается широтой своей способности к обобщению. И две характеристики физического познания, основанного на *принципах*: затруднительность и конфликт с обыденными понятиями, с одной стороны, но плодотворность его обобщений, с другой, — говорят о преобладании субъективного фактора в познании. Под этим фактором Вильбуа подразумевает *общие всем умам интуиции*, находящиеся как бы *под* фактологически-образным мышлением отдельных сознаний⁵⁴ (добавлю — под субъект-объектной дихотомией классической теории познания).

Вильбуа выделяет следующие интуиции-принципы современной физики: относительность движения, всемирное тяготение, поперечные колебания, два принципа термодинамики. Экспериментальная наука помещается Вильбуа в сюрреалистический (в этимологическом значении слова) мир глубинной (подсознательной) психологии — интуиции, в рамках которой она расширяет область рационального экспериментирования из выделяемых оттуда же фундаментальных законов-принципов⁵⁵.

⁴⁸ Milhaud G. Le rationnel. P. 73-74. Тут падает единственное, моральное оправдание героизма разума Г. Мило.

⁴⁹ См.: Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? // Кант И. Собр. соч. в VIII т. Т. VIII. М., 1994. С. 86-105.

⁵⁰ Wilbois J. La méthode des sciences physiques // Revue de métaphysique et de morale. Т. VIII. 1900. P. 314.

⁵¹ См.: Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 579; 582.

⁵² Ibid. P. 581-582.

⁵³ См.: С. 6 наст. статьи.

⁵⁴ Revue de métaphysique et de morale. Т. VII. 1899. P. 597-598.

⁵⁵ В качестве примера взаимодействия в науке этих трёх уровней: интуиции, принципа и эксперимента — Вильбуа приводит уже отживший к его времени, но, видимо, именно в силу этого готовый к исчерпывающему анализу, — принцип сохранения материи, синтетически складывающийся в процессе экспериментов Лавуазье при содействии интуиции

Реальность как качественная гетерогенная длительность приобретает у Вильбуа онтологическую структуру. «Всякому эксперименту предшествует произвольный выбор символа»⁵⁶. Но эта произвольность не есть бесосновность взаимозаменяемых гипотез. В то же время несомненность физического факта, как результата взаимодействия эксперимента и интуиции и включённого в экспериментальную серию под управлением принципа, не есть несомненность «исторического» факта в обыденном его понимании. «Физический факт есть продуманное восприятие, то есть символизированное»⁵⁷. Из введения субъективного фактора в познание вытекает отрицание принципа верификации и значения *experimentum crucis*. Ибо факт, задаваемый направлением эксперимента, не может ему противоречить. «Но раз символ выбран, и в известных пределах выбран произвольно, то то, что затем «навязывается» экспериментом, суть свойства этого символа. Несомненность <...> есть тогда несомненность свойств символа. Это новый вид несомненности, в какой-то степени условный, и который мы назовём «символической несомненностью»»⁵⁸. Таким образом, физическая реальность открывается нам в пересечении трёх уровней взаимодействия с ней: логико-символического, интуитивно-психологического и, собственно, экспериментального.

Символическая природа физической теории позволяет говорить о последней как о «языке» и как о «точке зрения»⁵⁹. Однако язык богат метафорами, и, в отличие от *взаимозаменяемости* гипотез, различные принципы, выраженные в разных теориях по поводу одной и той же области явлений, эквивалентны друг другу (по Вильбуа, дополнительные) и из их языкового взаимодействия исследователь науки получает урок, способствующий развитию экспериментального знания.

Так, дуалистичность номиналистического конвенционализма преодолевается холизмом когерентизма теории-символа. И всё же символизм теорий — нечто слишком неопределённое, чтобы говорить о строгом рациональном знании⁶⁰, а

«урок», предоставляемый физике историческим рассмотрением теорий-символов, не доходит до демаркации между положительным экспериментальным знанием и смутными интуициями.

Эксперимент открывает нам физические инварианты, в разных теориях выражаемые в одних и тех же математических уравнениях⁶¹. Но всякие уравнения — лишь более или менее точные приближения⁶² к бесконечно разнообразной, «бергсоновской» реальности⁶³. Наши органы восприятия грубы; уточнение же средств измерения и приближение к реальности играет злую шутку с нашими понятиями о ней: «Существо с ограниченными чувствами найдёт в природе постоянное в силу того только, что оно хочет его там найти; существа же с более или менее обострёнными чувствами при первом же рассмотрении вселенной увидят в ней различные законы»⁶⁴. Экспериментальная физика так и развивалась: на пути открытия изменчивого в постоянном. И единственный принцип, позволяющий сохранить общую закономерность в природе и обосновывающий саму возможность физических законов как они нам даются в физике, — это «великий принцип человеческого ума, который мы могли бы назвать принципом *связанных преобразований* [курсив мой. — О.-Г. А.]»⁶⁵: когда два ряда физических явлений экспериментально сопоставляются в своих преобразованиях, и один «спасает» и подкрепляет закономерность другого в качестве новой пристройки в здании физики.

Нет нужды доказывать искусственность получаемых таким образом законов⁶⁶. Так, современная физика бесконечно малых величин сталкивается с теми же трудностями, «как и те, когда мы пытались отделить символ от физического факта. Здесь, как и там, мы могли бы достичь реального только пройдя долгий путь искусственного»⁶⁷.

В этом месте Вильбуа подходит к онтологической первичности качественного порядка бытия, что говорит в пользу философской рациональности — а не количественно-описательной научной. «В силу приблизительности [неясности и неотчётливо-

субстанции: «...взаимодействие между интуитивной истиной и истиной экспериментальной». Ibid. P. 599.

⁵⁶ Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 601.

⁵⁷ Ibid. P. 602.

⁵⁸ Ibid. P. 604-605.

⁵⁹ Ibid. P. 613.

⁶⁰ «О теории как о единстве свойств символа, получающемся из соединения первоначального символа и опыта, нельзя

сказать, истинна она или ложна в собственном значении этих двух слов: она символична». Ibid. P. 615.

⁶¹ Ibid. P. 614.

⁶² Revue de métaphysique et de morale. T. VIII. 1900. P. 292.

⁶³ Ibid. P. 306.

⁶⁴ Ibid. P. 293.

⁶⁵ Ibid. P. 294.

⁶⁶ См. об этом: Ibid. P. 295.

⁶⁷ Ibid. P. 299.

сти. — О.-Г. А.] наших чувств, физическая константа может быть законом только будучи общей. <...> Идея закона в физике далеко не решена; общность лежит в самом основании этой идеи, и рост законов к общности есть лишь их ход к преодолению нашей искусственности. Можем ли мы знать степень этого преодоления? Для этого нужно было бы знать степень общности закона; и совершенно ясно, что эта степень — не математическое количество»⁶⁸. Поэтому критерием объективности притязаний мысли в физике выступает способность её принципов к включению новых областей явлений. Вильбуа вводит такой критерий как *действительность обобщения* (*généralisation valable*), отдающий предпочтение экспериментально введённому принципу сохранения энергии перед обратнo-квадратичным законом Ньютона⁶⁹.

В так построенной физике предикаты *необходимости* и *постоянства* излишни⁷⁰. С ними мы опять возвращаемся в область психологии знания, потому что в основе их лежат такие фундаментальные интуиции, как гомогенность времени и пространства⁷¹. Однако в том-то и дело, что физике как науке без них не обойтись. И задача определения рационального в физике (а необходимость и постоянство, или общезначимость, суть два основных предиката истины в новоевропейской рационалистической традиции), по Вильбуа, заключается в определении порога рационализации проблемы «эксперимент-интуиция». В отличие от Г. Мило, уходящего в сторону релятивизации знания⁷², Вильбуа идёт в противоположном направлении, преодолевая релятивизм, свойственный спиритуализму Э. Бутру⁷³. Оставаясь на общеполитической

почве спиритуалистического психологизма (динамичность реальности, понимание разума как сознания-воли, ослабление интеллектуализма и признание прав образного мышления), он находит в науке если не абсолют, то способы достижения *постоянного* не как «положения вещей», но *рациональной необходимости*, в чём сближается с трансценденталистской линией психологии знания⁷⁴. Итак, единственным критерием объективности знания в науке выступает способность к продуктивному обобщению — эвристическая мощь теорий в связывании разных областей действительности. Но как продуктивность обобщения, так и необходимость выделяемых взаимозависимостей не дают объяснения самого феномена знания, его отношения к чему-то внеположенному.

Предметное поле науки ограничено у Вильбуа практикой, тем самым он продолжает и углубляет волюнтаристскую линию гносеологии спиритуализма. Но углубляясь и определяясь, психологические основания современной физики исчерпывают сами себя собственной неизбежностью присутствия в *данном*⁷⁵. Их признание и выведение их на свет приводят к «настоятельной необходимости рационального»⁷⁶. Само рациональное — те интуиции и принципы, которые лежат в основе науки, — предстаёт перед нами определённым *действием*. Первичное противопоставление сознания природе, принцип инерции и сохранения массы, идея силы, замещение финальных причин в природе действующими суть всё *декреты*, а не факты⁷⁷.

версума и, в данном случае, не находит иного научного метода, чем эволюционизм, не идущий дальше констатации «положения вещей» (*Revue de métaphysique et de morale*. Т. VIII. 1900. Р. 305). Вильбуа же, преодолевая уровень наблюдательных наук с их непродуктивным методом обобщения, оставляет позади и принцип эволюции как не отвечающий природе экспериментального принципа, сливающего частные законы и великие интуиции в одно целое (См.: *Revue de métaphysique et de morale*. Т. VII. 1899. Р. 600). Именно в преодолении общеполитического эволюционизма и проходит, по-моему, чёткая грань между новым рационализмом французского прагматизма и спиритуалистически-позитивистской традицией XIX в.

⁷⁴ *Revue de métaphysique et de morale*. Т. VIII. 1900. Р. 305-306.

⁷⁵ «Психологические элементы, которые мы выделили в физике, суть, следовательно, то, что действие неизбежно ввело в данное: они, следовательно, не пустые идолы, подлежащие свержению следующими веками». *Ibid.* Р. 317.

⁷⁶ *Ibid.* Р. 314.

⁷⁷ Попытки строить физику наперекор этим «декретам» приводит, как показывает Вильбуа на примере Герца и Гельмгольца, к внутренним противоречиям (См.: *Ibid.* Р. 311).

⁶⁸ *Ibid.* Р. 297.

⁶⁹ *Ibid.* Р. 296; 298. Ср.: «...когда я прикладываю принцип сохранения энергии к явлениям индукции, я сохраняю уже ранее экспериментально полученные законы Ома, Жюля, Фарадея; никакого нового закона я не создаю, и строю таким образом теорию, корректно ли, не корректно, но которая подтверждена фактами. Таким образом я совершаю подлинное обобщение». *Ibid.* Р. 297-298.

⁷⁰ «В физическом мире никакой необходимости не явлено, за исключением чисто формальной необходимости нескольких принципов математики или логики». *Ibid.* Р. 304. «Постоянство определённых физических законов покоится не на постоянстве вещей, но на постоянстве нашего ума или наших привычек; эти законы настолько неизменны, насколько они искусственны». *Ibid.* Р. 306.

⁷¹ *Ibid.* Р. 303-304; 305.

⁷² См. С. 7 наст. статьи.

⁷³ Бутру обосновывает сущностную случайность законов физики относительностью реальности бесконечного уни-

Они берут своё начало в действии, обрисовывая таким образом дуальную структуру деятельности человека. В принципах науки нам открываются и правила этого воздействия: в антропоморфном принципе виртуальной работы и в принципе сохранения энергии, или преобразований естественных сил, полностью отрывающем нас от природы⁷⁸.

Отсюда следует важнейшее признание: «Рядом с потребностью действовать и думать мы чувствуем, может быть, ещё более властную потребность знать. Наука же не может её удовлетворить».

Правда, что в символизме теорий и искусственности их законов можно найти реальное, то есть объект знания; но в настоящее время мы не обладаем ни достаточно разнообразными символами, ни достаточно общими законами, чтобы получить с их помощью реальность, достаточно чистую и достаточно богатую⁷⁹. Так *истина* освобождается от предикатов необходимости и всеобщности, обладающих психологической, т.е. субъективной, аподиктичностью, — освобождается ради собственного отождествления с *реальностью* (аналогом чему в науке выступает «действительное обобщение» как единство конкретных экспериментальных реальностей). Реальность эта схватывается не посредством чувства уверенности «субъективного синтеза» — в данном случае синтеза действия, конституирующего фундаментальные аксиомы-интуиции науки⁸⁰. В *рациональном научном действии* нам открывается геометрико-механистическая *интеллектуальная природа* реальности: «Так, умопостигаемые элементы по определению суть геометрические понятия, а за недостаточностью таковых — понятия геометрико-механистические, как сила Ньютона. Поэтому если иногда случается, что из требований экспериментальных исследований наука вначале обязана выражать свои открытия иррациональными принципами: такими, как два фундаментальных принципа термодинамики, — то затем она ищет представления этих принципов на бумаге, входя в область несжимаемого протяжения Декарта и лорда Кельвина, чтобы далее вместо нарисованной модели построить настоящую модель из дерева и метала, которая бы работала». Такое механистическое объ-

яснение физических феноменов, то есть научная машинерия, не есть реальность, потому что можно было бы построить бесконечное множество подобных моделей-реальностей, которые в силу этого являются лишь символами реальности; «тогда как за этой непосредственной целью науки виднеется её отдалённая цель — действие». Но справедливо и обратное утверждение: природу научного действия можно вскрыть только на путях механицизма, т.е. в более общем смысле — рационализма⁸¹.

Итак, дилемма действия и разумного основания заострена у Ж. Вильбуа не менее чем у Г. Мило: произвольность символов языка науки, отрицание принципа верификации, искусственность физических законов, их инструментальное понимание приводят лишь к субъективной способности *мышления*, но не к истине как объекту *знания*. Но поиск необходимого и всеобщего будучи нашей основной интуицией не только как мыслящих, но и познающих существ, не отдаётся на откуп вере, но самоопределяется на путях самопознания науки, науки рациональной, конструирующей, механистической. Разум такой науки не менее свободен, чем у Мило, но свобода его заключается в дискурсивном самоопределении и самопреодолении искусственного, т.е. психологического, лишь субъективного. Символистское в своей основе понимание реальности, или, скорее, *действительности*, имеет у Вильбуа в качестве своего дополнения *реальность как объект рационального знания*, то есть интеллектуальную реальность, так что связка «подвижность реального — фабрикация истины» выстраивается в направлении к *истине* как объекту рационального знания, а не эмпирической случайности.

Философский анализ позитивной науки у Вильбуа многократно усложняется, уходя от дилемматичности позитивистского взгляда на физику — с точки зрения логики и наблюдения — и избегая, в то же время, опасности иррационализации оснований науки, как у энергетистов.

На этом примере мы видим, как традиция новоевропейского рационализма Декарта-Канта с его приоритетом активности субъекта познания взаимодействует с «новым спиритуализмом» и

⁷⁸ Ibid. P. 311-312. Так что проблема свободы и необходимости, так занимавшая XIX в., — делает далее вывод Вильбуа: «кажется немного поверхностной при том, что наука включает тот постулат, что учёный стоит в центре мира и противопоставлен ему». Ibid. P. 313.

⁷⁹ Ibid. P. 317.

⁸⁰ См.: Ibid. P. 316-317.

⁸¹ Revue de métaphysique et de morale. T. VIII. 1900. P. 313-314. Таким образом, к двум поворотным признакам отличающим рационалистический прагматизм от предшествующей философской традиции XIX в.: отбрасывание методологического эволюционизма (См. сноску 73 на С. 12 наст. статьи.) и вынесение моральной проблемы свободы-необходимости из научной области (сноска 78 на С. 13), — добавляется третий — дискредитация физики качеств.

его психологическим динамизмом. Проблема познания в рамках *французского прагматизма* поднимается на предельный уровень обобщения и разработанности в таких его областях, как психология знания и эпистемология. Таким образом, французский прагматизм представляет собой особое явление в истории философии. Я назову его *рационалистическим прагматизмом* — филосо-

фией рационального действия, — в чём он устанавливает свою преемственность не с прагматизмом У. Джеймса, а с прагматизмом Ч.С. Пирса.

Французский прагматизм преодолевает релятивизм познания, определяя условия рациональности таким образом, что научная деятельность получает возможность философского самообновления.

Список литературы:

1. Бергсон А. Об интеллекте // Блауберг И.И. Анри Бергсон. М., 2003. С. 639-645.
2. Бергсон А. Собр. соч. в IV т. Т. I. М., 1992.
3. Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии. Сб. 1. СПб, 1912. С. 1-28.
4. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М., 2003.
5. Введенский А.И. Очерк современной немецкой и французской философии. Харьков, 1900.
6. Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.
7. Дюгем П. Физическая теория. М., 2007.
8. Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? // Кант И. Собр. соч. в VIII т. Т. VIII. М., 1994. С. 89-105.
9. Пирс Ч.С. Что такое прагматизм? // Пирс Ч.С. Избр. филос. произв. М., 2000. С. 296-321.
10. Рей А. Современная философия. М., 2010.
11. Эбер М. Прагматизм. М., 2010.
12. Dictionnaire d`histoire et philosophie des sciences / Sous la dir. de D. Lecourt. Paris, 2006.
13. Lalande A. Pragmatisme et pragmaticisme // Revue philosophique. T. LXI. Février, 1906. P. 121-146.
14. Le Roy É. Science et philosophie // Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 375-425; 503-562; 708-731; Revue de métaphysique et de morale. T. VIII. 1900. P. 37-72.
15. Milhaud G. Le rationnel. P., 1898.
16. Weber L. Positivism et rationalisme // Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 426-445.
17. Wilbois J. La méthode des sciences physiques // Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 579-615; Revue de métaphysique et de morale. T. VIII. 1900. P. 291-322.

References (transliteration):

1. Bergson A. Ob intellekte // Blauberger I.I. Anri Bergson. M., 2003. S. 639-645.
2. Bergson A. Sobr. soch. v IV t. T. I. M., 1992.
3. Bergson A. Filosofskaya intuitsiya // Novye idei v filosofii. Sb. 1. SPb, 1912. S. 1-28.
4. Blauberger I.I. Anri Bergson. M., 2003.
5. Vvedenskiy A.I. Ocherk sovremennoy nemetskoj i frantsuzskoj filosofii. Khar'kov, 1900.
6. Dzheyms U. Volya k vere. M., 1997.
7. Dyugem P. Fizicheskaya teoriya. M., 2007.
8. Kant I. Chto znachit orientirovat'sya v myshlenii? // Kant I. Sobr. soch. v VIII t. T. VIII. M., 1994. S. 89-105.
9. Pirs Ch.S. Chto takoe pragmatizm? // Pirs Ch.S. Izbr. filoz. proizv. M., 2000. S. 296-321.
10. Rey A. Sovremennaya filosofiya. M., 2010.
11. Eber M. Pragmatizm. M., 2010.
12. Dictionnaire d`histoire et philosophie des sciences / Sous la dir. de D. Lecourt. Paris, 2006.
13. Lalande A. Pragmatisme et pragmaticisme // Revue philosophique. T. LXI. Février, 1906. P. 121-146.
14. Le Roy É. Science et philosophie // Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 375-425; 503-562; 708-731; Revue de métaphysique et de morale. T. VIII. 1900. P. 37-72.
15. Milhaud G. Le rationnel. P., 1898.
16. Weber L. Positivism et rationalisme // Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 426-445.
17. Wilbois J. La méthode des sciences physiques // Revue de métaphysique et de morale. T. VII. 1899. P. 579-615; Revue de métaphysique et de morale. T. VIII. 1900. P. 291-322.